

Михаил Таль. Национальность — «рижанин»

Михаил Таль в 1973 году

«Детский мат»

В шахматы начинают играть в детстве. Как правило, еврейский (или нееврейский) дедушка достает доску, расставляет на ней фигурки и начинает учить любимого внука.

Маленького Мишу в шахматы научил играть отец. Но ребенка игра не увлекла, и Нехемия Мозесович махнул рукой. И вот однажды к ним приехал погостить родственник, предложивший Михаилу поиграть. Когда гость в течение нескольких минут поставил Мише «детский мат» мальчик не то чтобы обиделся — он разозлился, решив доказать всем, что научится играть в эту игру, чтобы не дать никому себя больше обыгрывать...

В 10 лет родители отправили его в кружок при Рижском дворце пионеров. В 13 юный Михаил Таль вошел в республиканскую юношескую шахматную сборную. И всего четыре года ему понадобилось для того, чтобы стать чемпионом Латвии.

В 1953-м Талья начинают узнавать за пределами республики: на командном чемпионате СССР он разделил 1-2-е место. Это по тогдашним правилам давало право провести матч за звание мастера спорта СССР. В 21 год он получает звание международного гроссмейстера. На высшую ступень он поднялся в 1960-м, одержав победу над Ботвинником и став самым молодым чемпионом мира — Талю было всего 24 года.

Гроссмейстер в молодости

Гениями рождаются

Михаил Таль родился в Риге 9 ноября 1936 г. в обычной еврейской семье — его родители Нехемия Мозусович и Ида Григорьевна были врачами. Мальчик в детстве долго болел, подозревали менингит, врачи говорили, что шансов на выживание не много, но он выжил жив и вскоре стал демонстрировать редкие способности: в три года научился читать, в пять без особых усилий перемножал трехзначные числа, обладал феноменальной памятью, с легкостью запоминая — с первого раза! — большие отрывки из сказок, которые читала ему Ида Григорьевна.

Настоящий вундеркинд, восхищались друзья и знакомые. И поэтому, когда пришло время отдавать сына в школу, его взяли сразу в третий класс. И в Рижский университет на филологический факультет он поступил не в 17 лет, а на два года раньше.

Но филологом он не стал — стал шахматистом.

Дом в Риге, в котором жил Таль

Против правил

Он не вошел, а ворвался в шахматный мир, который в 1950-е гг. был буквально связан жесткими правилами позиционной игры, проповедуемыми Ботвинником. Перед которым Таль благоговел. Михаил Моисеевич буквально подавлял молодых игроков, действуя на некоторых, как удав на кролика. В те времена юных шахматистов учили играть в так называемые «правильные шахматы». И вдруг за шахматной доской появляется юнец, выскочивший как черт из табакерки, вызывающе яркий талант, который идет против всех мыслимых и немыслимых правил и своей «неправильной» игрой обыгрывает почти всех, кто оказывается на его пути.

Это был стиль игры бескомпромиссный и по большей части рискованный, который поражал современников. Иначе как кометой, вихрем, ураганом и так далее Таля не называли. Этот «волшебник из Риги» (тоже одно из многочисленных прозвищ Таля) любил саму шахматную игру и из всех ее определений главнейшим считал то, что игра в шахматы — это, прежде всего, искусство. А в искусстве гении — это те, кто нарушает привычные правила, пересекает черту.

Но он был не только гениальным шахматистом, который дни и ночи напролет только и делает, что размышляет о шахматах, но человеком озорным, которому ничто человеческое не чуждо — ни общение за дружеским столом с друзьями, ни ухаживание за хорошенькими женщинами, ни употребление крепких напитков, ни наслаждение от музыки или выкуренной сигареты. Жанна Таль вспоминала, что отца интересовало всё: «Он ел, говорил по телефону, читал, играл в шахматы и смотрел телевизор одновременно. Он смотрел футбол, все новости, все детективы и... все сериалы. Комментарии давал чаще по политическим программам и во время футбола».

Гроссмейстер шутит

Все, кто общался с Михаилом Талем, вспоминают о его доброте, интеллигентности и предрасположенности даже к незнакомым людям. И, конечно же, о его остроумии. Разговаривать с ним можно было обо всем на свете, и при всей глубине своих познаний он мог одновременно шутить — ярко и искрометно, мгновенно и выразительно реагируя на слова собеседника. Шутки Таля распространялись в шахматной среде, затем уходили в народ, становясь всеобщим достоянием. Истории с Талем становились анекдотом, обрастали множеством подробностей, поэтому зачастую разобраться, где домысел, а где правда, невозможно.

Вот несколько из таких историй, где юмор Таля раскрывается во всей красе.

Кое-что о шансах

Однажды Таля спросили: «Как вы расцениваете шансы Майи Чибурданидзе стать чемпионом мира среди мужчин?» Таль, не задумываясь, ответил: «Намного выше, чем мои — стать чемпионкой мира среди женщин».

Может выступать как Вайнштейн

Юный Каспаров решил сменить отцовскую фамилию на фамилию матери, полагая, что с фамилией Вайнштейн ему трудно будет стать чемпионом мира. Через некоторое время Таля на одной из встреч с журналистами спросили, каково его мнение об игре Каспарова. «Он играет так хорошо, — ответил Таль, — что теперь может спокойно выступать под своей прежней фамилией».

Дежавю

Мастер спорта и главный редактор журнала «64» Александр Рошаль был женат дважды. Причем во второй раз — на своей первой жене. Таль был почетным гостем и на той свадьбе, и на другой. И вот на этой «другой» он заметил: «Алик, ты знаешь, у меня, кажется, что-то с головой... Такое ощущение, что я все это уже видел». Рошаль успокоил друга: «Извини, просто я не позвал тебя на развод».

На турнире в Амстердаме, 1964

Чигоринец

Таль часто болел, и нередко приходилось вызывать «скорую», чтобы сделать ему болеутоляющий укол. Об этом знали все, и однажды один из журналистов спросил: «Миша, это правда, что вы морфинист?» Таль мог ответить резко, но сдержался: «Что вы, какой я морфинист (Пол Морфи — американский шахматист середины XIX в., — Ю. К.)? Я чигоринец (Михаил Чигорин — один из сильнейших русских шахматистов середины XIX в., — Ю. К.)».

Национальность — рижанин

В одной из спортивных газет был опубликован репортаж о сборной СССР, которая должна была отправиться на чемпионат мира. Советский Союз всегда, к месту и ни к месту, старался заявить о своем интернационализме. Журналист, в голове которого прочно засели идеологические штампы, желая подчеркнуть многонациональный состав сборной, написал: «В составе сборной — эстонец Пауль Керес, армянин Тигран Петросян, рижанин Михаил Таль». Когда друзья показали этот номер Михаилу Нехемьевичу Талю, «рижанин» долго не мог прийти в себя от смеха.

«Иудейская война»

И, наконец, анекдот, ходивший по Москве после знаменитого матча на первенство мира 1960 г. Армянское радио спрашивают: «Что такое шахматный матч Ботвинник — Таль?» Отвечаем: «Иудейская война во славу русского народа».

Матч Ботвинник — Таль. Фото: chess-news.ru

Конец пути

Свой некролог Таль прочитал при жизни, в 1970-м в редакции журнала «Шахматы в СССР». Его не напечатали: перенесенная экс-чемпионом мира операция прошла успешно. Разумеется, там были все слова, соответствующие столь прискорбному случаю. Но чемпиону от этого было не легче. Однако и после этой идиотской истории он находил в себе силы над ней подшучивать: выиграв очередной крупный турнир, улыбнулся: «Не правда ли, неплохо для покойничка?». А рассказывая друзьям о том, как в Москве читал о своей кончине в некрологе, заметил, что текст все-таки следовало бы отредактировать и поставить подпись: «Исправленному верить. Михаил Таль».

После этого Таль прожил еще чуть больше 20 лет. В новые времена потерял дом в Риге и переехал в Германию, но постоянно бывал в России.

Уже тяжело больной, поехал в мае 1992-го на турнир в Барселону. Полтурнира играл совсем больным, с температурой. В турнире участвовало много молодых шахматистов. Шутил: «Я в таком возрасте был уже экс-чемпионом мира». В конце мая занял третье место в чемпионате Москвы по блицу, уступив Каспарову и Барееву. Собирался лететь в Манилу, хотел выступить за независимую Латвию — не смог, со здоровьем становилось все хуже и хуже...

Восьмой чемпион мира, шестикратный чемпион Советского Союза Михаил Таль умер 28 июня в 15-й московской больнице. Врачи сделали всё, чтобы его спасти. Но оказались бессильны. Советского и латвийского шахматиста, гроссмейстера, восьмого чемпиона мира похоронили в Риге на старом еврейском кладбище Шмерли.

Памятник Михаилу Талю в Риге

Гроссмейстеры о гроссмейстере

Марк Тайманов, чемпион СССР (1956): «Впервые я встретил Таля во время своего сеанса одновременной игры, ему тогда было лет 12-13. Миша был эпикурейцем, любил жизнь во всех ее проявлениях. Он был очень общительным, компанейским, имел множество увлечений: играл в футбол, любил чтение — читал он невероятно быстро, как будто по диагонали: толстую книгу «проглатывал» за день! От рождения у него была трехпалая кисть; тем не менее он хорошо играл на фортепиано, а еще мечтал стать эстрадным конферансье. Думаю, эстрадный мир много потерял...

Гарри Каспаров, 13-й чемпион мира по шахматам (1985): «Несмотря на суперкороткое пребывание на шахматном троне (тоже рекорд), Таль был одной из самых ярких звезд на шахматном небосклоне. Комбинации, жертвы, неисчерпаемый оптимизм — всё это было отражением советского общества, облегченно вздохнувшего после ежовых рукавиц сталинизма».

Светозар Глигорич, многократный чемпион Югославии: «Таль — великий человек! У него были трудности со здоровьем, но он вообще не слушался врачей, продолжал курить, выпивать. Он совсем о себе не думал, для него важнее было, чтобы всем вокруг было с ним интересно, он всегда стремился произвести впечатление. Таль был... артистом по жизни!».

Юрий Крамер, «Еврейская панорама»